

Друг Горацио

На похоронах Высоцкого Золотухину
выпала странная должность –
«ответственный за крышку гроба»...

Константин КЕДРОВ

Сколько ни уговаривал Пастернак не быть знаменитым, а очень хочется. Над рукописями трясемся, архивы заводим, дневники ведем. Хорошо, что Золотухин не послушался Бориса Леонидовича, а вел себе и вел свой дневник изо дня в день, из месяца в месяц. Из года в год.

Никто не сомневается, что гамлетовский двойник Высоцкого в состоянии имитировать на основе собственной биографии добротную деревенщину. Вся беда или, наоборот, вся радость в том, что художественная литература со всеми своими художествами давно уже приказала долго жить. И «Букера» нынче дают за исповедь в документах. Если каешься, то изволь все грехи зафиксировать и перечислить, не пропуская ни одной подробности, как в «СПИД-ИНФО».

Золотухин актерским нервом чувствует, чего хотят от него эти не то читатели, не то почитатели. «Двадцать лет без Высоцкого и ни дня без него. Жизнь-последствие, так выпало по судьбе». Даже на похоронах Гомера брежневской эпохи Золотухину выпала странная должность – «ответственный за крышку гроба». Но ведь это можно прочесть по-разному. Можно истолковать как ответственный за воскресение. Я не знаю, заметил или нет Золотухин, что двадцать с лишним лет без Высоцкого – это столько же с Золотухиным. Горацио не сравнивает себя с Гамлетом, но после смерти Гамлета именно Горацио должен рассказать все. В легендарном спектакле Золотухин и Лаэрта играл, и роль Гамлета учил, но в жизни он, конечно же, «Друг Горацио», именно с большой буквы.

Золотухину приходилось быть Гамлетом. Любимов вынужден был репетировать с ним параллельно, учитывая, что Высоцкий срывал спектакль за спектаклем. Но мысль о том, что Гамлета может играть другой, пусть даже друг, была для Золотухина невыносима. Осмелюсь заметить, что Золотухин – Гамлет был бы для меня весьма интересен. И вообще, когда же наконец поймут все наши мафусаилы-шестидесятники, что на дворе XXI век, и в этом веке они интересны сами по себе. Горацио, конечно, не Гамлет, но живой Горацио лучше мертвого Гамлета. Почему? Да потому что живой. Гамлет все сказал, что хотел сказать, дальнейшее – тишина. Ну а Горацио продолжал рассказывать, пока не договорился до пьесы Шекспира. Ведь по Шекспиру

живой первоисточник пьесы – друг Гамлета.

Высоцкий от Золотухина – пренеприятнейший тип. Так ведь он и в жизни приятен не был. Легенда о великом Гамлете с гитарой – это прижизненное творение Любимова. Он умеет творить, увольняя, и увольнять, творя. Гамлет то в свитере, то обнаженный по пояс, да еще и босой, сверкающий на зрителя не очень чистыми пятками, да еще хрипящий под гитару стихи Пастернака, – это, конечно, круто. А если знать, что за кадром капельница, а если видеть ногу, исколотую до бедра шприцами, то неизвестно, какой из Гамлетов интересней. Золотухин в своих дневниках разыграл и поставил своего Гамлета. Здесь в главной роли Золотухин, хотя играет эту главную роль Высоцкий. Но это другой Высоцкий, истощенный, похожий на подростка, под капельницей. Или тот, который явился Золотухину во сне с капелькой запекшейся крови в левом уголке рта. Этого Высоцкого ставит и играет на книжной сцене сам Золотухин. Играет великолепно, ничего не приукрашивая, ничего не скрывая. Быть или не быть – это ни Высоцкому, ни Любимову, ни Золотухину не свойственно. Они могут быть и только быть. И пусть будут как можно дольше.

Иногда создается ощущение, что Золотухин публикует свои записки раньше, чем их напишет. Одна книга обгоняет другую, и порой только что вышедшая написана явно раньше предшествующей. Есть что-то весьма заманчивое в этом перформансе с продажей собственных сочинений в фойе Театра на Таганке. Смоктуновский бы так не смог. Хорошо еще, что Золотухин не сыграл Гамлета. Гамлет, продающий свои сочинения в перерыве, до такого постмодерна не додумался ни один постмодернист. А Золотухин додумался и осуществил. Он не шестидесятник, а крутейший постмодернист начала XXI века.

Русский курьер. - 2004. - 31 янв. - с. 10